

Лин Шу, уклоняясь от свистящего ливня стрел, обнажил меч прямо в каюте. Клинок двигался стремительно, создавая вокруг него непроницаемый заслон, а волны острой ци щепили и отбрасывали летящее оперение. Но в тесном помещении развернуться в полную силу было невозможно. Лин Шу только оправился от тяжелой болезни, руки его еще не обрели прежней мощи, и как он ни старался, идеальной защиты не вышло. Две стрелы, пущенные с сокрушительной силой, прорвали его оборону: одна скользнула по ребрам, а вторая глубоко вонзилась в левое плечо. Вспышка боли ослепила его, пронзив до самого сердца.

Не теряя ни мгновения, он подцепил носком сапога низкий столик и швырнул его перед собой, сооружая временный щит. В тот же миг снаружи донесся испуганный крик Нянь Вэя:

— Юньци, что ты творишь?!

Следом раздался сухой голос Бэйчэнь Цина:

— Я исполняю волю Его Высочества. Нянь Вэй, Чжунли, уйдите с дороги.

— Нельзя, Юньци! — крикнул Чжунли Чжэнь. — Маркиз перед отъездом велел нам беречь господина Лина пуще глаза! Что бы ты ни задумал, дождись его возвращения!

Пытаясь преградить Бэйчэнь Цину дорогу, Чжунли Чжэнь холодел от ужаса. Незадолго до этого Бэйчэнь Цин приказал трем братьям Ма заставить их с Нянь Вэем врасплох и скрутить. Сразу после этого в каюту полетел град стрел. Жив ли еще Лин Шу внутри или его уже превратили в решето, они не знали.

Бэйчэнь Цин и сам испытывал глубокую, невыразимую горечь.

«Меня вынудили, — тоскливо думал он. — Его Высочество не раз приказывал Сяо Лану убрать Лин Шу с дороги, но тот всё медлил, не в силах поднять руку. Если я буду ждать его возвращения, то останусь ни с чем, а потом лишь навлеку на себя гнев и наказание господина».

Он проигнорировал их крики, выхватил саблю и ворвался в каюту. Едва он переступил порог, перед глазами вспыхнула серебряная искра — на него обрушился ледяной шквал разящей ци.

Правая рука Бэйчэнь Цина висела на перевязи, но он, прекрасно владея левой, среагировал мгновенно. Сабля взметнулась вверх, с тихим металлическим звоном парировав выпад. Противники разошлись в стороны. Бэйчэнь Цин бил тяжело и мощно, Лин Шу же действовал изящно и быстро, рассчитывая на гибкость меча. Они обменялись несколькими молниеносными ударами, но тут стражники снаружи поняли, что пленник всё еще жив. пылая яростью, они хлынули в каюту, сверкая обнаженным оружием, и навалились на Лин Шу гурьбой.

В тесной каюте развернулся хаос. В щепки разлетались столы и ширмы. Изнуренный болезнью и раненный стрелой Лин Шу не мог долго противостоять превосходящим силам. Он отбивался из последних сил, но в какой-то момент ослабел: Вэй Линьсянь резким ударом обуха выбил его длинный меч. Самого Вэй Линьсяня от отдачи качнуло назад, и он отлетел в сторону. Пользуясь моментом, другой стражник сокрушительно ударил Лин Шу ладонью в спину. Потеряв равновесие, тот рухнул под окно. С губ его сорвалась струйка темной крови. Мгновение — и у его горла скрестились холодные лезвия двух сабель.

Даже оказавшись на волосок от смерти, Лин Шу не выказал и капли страха. Опираясь ладонью о бревенчатую стену, он медленно поднялся на ноги. Широким рукавом неторопливо стер кровь с подбородка и взглянул на Бэйчэнь Цина. В его бледном лице по-прежнему читалось непреклонное, гордое величие.

— Мы прибыли по приказу князя Чжао, — ровным голосом произнес Бэйчэнь Цин. — Чтобы отправить господина Лин Шу в последний путь.

Услышав это, Нянь Вэй и Чжунли Чжэнь рванулись к каюте, но Ма Тяньбао с братьями держали их мертвой хваткой. Трусливый Бай Тинби лишь сильнее прижался к борту судна, содрогаясь всем телом и не смея промолвить ни слова.

Видя, что раненый Лин Шу едва держится на ногах, Нянь Вэй разразился слезами и в отчаянии закричал:

— Юньци! Если ты убьешь его, как я посмотрю в глаза маркизу?! Моя жизнь тоже будет кончена! Убей тогда и меня!

— Юньци, пощади его! — взмолился Чжунли Чжэнь. — Сделай это ради молодого маркиза!

Они все выросли вместе, и эти мольбы ранили сердце Бэйчэнь Цина. Но он заставил себя остаться глухим к их словам. Повернувшись к Вэй Линьсяню, он приказал:

— Запечатай их акупунктурные точки. И немые точки тоже.

Вэй Линьсянь послушно выполнил приказ. Обездвиженных и лишенных дара речи воинов оставили на палубе. Они могли лишь с молчаливой яростью смотреть на каюту, не в силах ничем помочь.

Лин Шу безучастно наблюдал за этим зрелищем. Он никогда не отличался многословием, а сейчас у него и вовсе не нашлось слов. Глядя на его истерзанный вид, Бэйчэнь Цин почувствовал невольную жалость.

— Господин Лин, — тихо заговорил он. — Не мы лишаем вас жизни. Наш господин, князь Чжао, издал указ: любой, кто посягнет на жизнь прежнего императора, должен понести карающую

длань правосудия. И вы убили его. Неважно, какими причинами вы руководствовались, но владыка пал от вашей руки. Мы обязаны дать ответ Поднебесной.

При этих словах Лин Шу не выдержал и презрительно усмехнулся:

— Я бежал бок о бок с тем, кого вы теперь величаете «прежним императором». Нас преследовали за тысячи ли, загоняли в угол, словно диких зверей. И кто, скажи мне, довел нас до этого? Да, я совершил роковую ошибку и лишил его жизни. Но вы — банда вероломных бунтовщиков, поправших все законы верности! И теперь вы прикрываетесь моим именем, чтобы заткнуть рты недовольным в Поднебесной? Не слишком ли это жалко и подло? Если я заслуживаю смерти, то вас следовало бы изрезать на тысячи кусков. С какими глазами вы смеее читать мне нотации?

Бэйчэнь Цину уже доводилось спорить с ним на постоялом дворе Ветра и Облаков у заставы Фэньюй. В искусстве язвительного спора Лин Шу не имел равных — его слова били без промаха, прямо и безжалостно. И теперь Бэйчэнь Цин снова не нашел, что ответить. Он лишь скользнул взглядом по его фигуре и заметил, что Лин Шу одет в дорожный плащ, который обычно носил Ян Е. Сейчас этот плащ был изорван в нескольких местах и испачкан кровью.

Сердце Бэйчэнь Цина дрогнуло.

— Теперь споры ни к чему, — вздохнул он. — Не держите зла на нас. И особенно — на Сяо Лана. Он ничего об этом не знает. Тогда, в Хэнэе... ту стрелу в вас выпустил я, а не он. Сяо Лан никогда не отличался меткостью. Эх... Он ведь по-настоящему предан вам, мы все это видели. Но вы, как я погляжу, всегда относились к нему холодно, едва терпели его присутствие. Жаль, что его искренние чувства пропали даром.

Слыша упоминание о событиях в Хэнэе, Лин Шу вздрогнул. На его бледном лице отразилась целая гамма чувств, сменяющих друг друга. Наконец, он глухо процедил:

— Ты не я. Откуда тебе знать, как я к нему отношусь?

Бэйчэнь Цин опешил. Во взгляде Лин Шу промелькнула глубокая, щемящая нежность, смешанная с тоской по Ян Е. Бэйчэнь Цин ощутил укол совести.

— Что ж, если в вашем сердце действительно живет ответное чувство, его слепая преданность не была напрасной. Если считаете свою смерть несправедливой, можете жаловаться хоть судьям подземного мира. Пусть все грехи за этот поступок падут на мою голову. Любую кару небес я приму один.

— Тогда я... — тихо начал Лин Шу.

Он хотел спросить, может ли он увидеть его в последний раз. Но слова застряли в горле. Он

понимал, что Бэйчэнь Цин всё равно не позволит этого, а его просьба прозвучит как жалкая мольба о пощаде. Подобного унижения его гордость вынести не могла.

Он невольно перевел взгляд на покрытое ледяной коркой окно, пытаясь разглядеть судно, на котором находился Ян Е. Но корабли шли слишком далеко друг от друга, к тому же не борт к борту. Разве можно было что-то увидеть сквозь пелену падающего снега?

Заметив его мимолетный жест, Бэйчэнь Цин со вздохом покачал головой:

— Не ищите его взглядом, он не придет. Раз уж всё решено, прощание лишь принесет лишнюю боль. Но вы можете написать ему письмо.

По его знаку один из стражников внес письменный прибор и разложил на уцелевшем краю стола тушь и бумагу.

Сначала Лин Шу хотел отказаться. Но, подумав немного, всё же взял кисть. Его рука двигалась уверенно и быстро, выводя изящные иероглифы:

«Лоянские встречи, чаньаньские тропы — лишь пыль былых времен. Ненависть утихнет в Цзяндуне, мечты оборвутся в Хуайяне, унесенные быстрым течением. Я старше, ты моложе. Прощай навек. Не тоскуй обо мне более, ибо тоска старит человека раньше срока».

Он не стал подписывать письмо. Откинув кисть, он позволил бумаге упасть на пол и тихо сказал:

— Кончайте с этим.

Стражники переглянулись, но ни один не посмел сдвинуться с места. Зная бешеный и беспощадный нрав Ян Е, они до смерти боялись запятнать руки кровью этого человека. Если маркиз узнает правду, им до конца дней не отмыться от этого греха.

Бэйчэнь Цин стиснул зубы и спросил:

— Господин Лин, вы умеете плавать?

— К чему эти глупые расспросы? — сухо ответил Лин Шу. — Если собираетесь убить, так убивайте.

— По тем сведениям, что когда-то собрал Сяо Бай, вы почти никогда не покидали стен Верховного суда и плавать не умеете. Я прав?

Лин Шу взглянул на него своими темными, бездонными глазами и тихо произнес:

— Да, не умею.

— В таком случае, окно за вашей спиной открыто. Прыгайте.

Река в этом месте бурлила дикими водоворотами. Стояла глухая зима, и вода была ледяной, словно жидкая смерть. Для израненного Лин Шу, не умеющего плавать, прыжок в эту бездну означал верную гибель.

Все затаили дыхание, не сводя с него глаз. Наконец Лин Шу едва заметно кивнул:

— Хорошо. Я прыгну.

Напряжение в каюте спало, все облегченно вздохнули. Бэйчэнь Цин скомандовал:

— Господин Лин всегда держит свое слово. Опустите оружие.

Стражники убрали клинки. Лин Шу наощупь подобрал свой верный меч Чжэньбин. Перед тем как повернуться к окну, он бросил на Бэйчэнь Цина последний взгляд — холодный, полный глубокого презрения и пренебрежения.

Этот взгляд показался Бэйчэнь Цину до боли знакомым. В памяти всплыли события двухлетней давности на постоялом дворе Ветра и Облаков. Тогда Лин Шу точно так же обозвал его неисправимым рабом, а затем одарил этим же взором — отстраненным, пронизательным, пронзающим насквозь время и расстояние. В те дни он был высокопоставленным сановником, облеченным императорской волей, а теперь стоял перед ними израненным, поверженным узником. И всё же его непреклонная гордость и ледяное величие остались незыблемыми.

Бэйчэнь Цин мысленно горько вздохнул.

«Да, я раб по своей природе, и этого мне не изменить до самой смерти. Презирай меня, если хочешь. Пусть будет так».

Лин Шу отвел взгляд. Сделав глубокий вдох, он решительно развернулся и выпрыгнул из окна. Раздался тихий всплеск, и холодная пучина сомкнулась над его головой.

Хоть они и знали, чем всё кончится, сердца их замерли. Бэйчэнь Цин невольно сделал несколько шагов к окну и вгляделся в бурный поток. В темной воде на миг мелькнули его длинные волосы, расплывшись черным пятном, похожим на водяные лилии, а затем бурное течение подхватило тело, унося его в холодную бездну. Через секунду река поглотила его без остатка.

Бэйчэнь Цин поднял с пола оставленное письмо и тихо вздохнул. Окинув взглядом утыканные стрелами стены каюты, он повернулся к стражникам и твердо произнес:

— На этом всё кончено. Отныне для всех господин Лин не пожелал следовать за князем Чжао и маркизом и покончил с собой. Перебираемся на другой корабль, а этот сожжем дотла.

Затем он посмотрел на Чжунли Чжэня и Нянь Вэя:

— Если вы решите обо всем рассказать Сяо Лану, я не стану вам мешать. Так и передайте: это я принудил его к смерти. Пусть он заберет мою жизнь в уплату долга, но остальных не тронет.

Вскоре корабль охватило неистовое пламя. Ни ледяной ветер, ни густой снегопад, ни холодные речные брызги не могли усмирить бушующую стихию.

На флагманском судне пьяный Ян Е внезапно очнулся. Его сердце пронзила острая, невыносимая боль, заставившая его содрогнуться. Не обращая внимания на отчаянные попытки Ян Си удержать его, он выбежал на палубу. Но всё уже было кончено. Лишь на темной воде покачивались обгоревшие обломки, от которых исходили тонкие струйки сизого дыма.

Нянь Вэй и Чжунли Чжэнь безмолвно стояли на коленях у борта. Дрожащими руками Нянь Вэй протянул маркизу обрывок бумаги:

— Господин Лин поджег судно и бросился в воду. Ваша охрана оказалась бессильна. Мы не смогли остановить его... Накажите нас, господин.

Обхватив руками борт, Ян Е согнулся пополам от разрывающей душу муки. Прошло немало времени, прежде чем он смог выдавить сквозь зубы:

— Прекрасно... Очень хорошо! Еще вчера ты дал мне обещание, а сегодня нанес этот сокрушительный удар! Ты лгал мне... Всё это время ты безжалостно лгал! Когда ты прыгал со стены, то выжил. Теперь решил броситься в реку?! Неужели я настолько тебе отвратителен? Неужели ради того, чтобы сбежать от меня, ты готов прыгнуть в ледяную воду в такой мороз? Разве тебе там не холодно?..

Он поднял глаза на речные волны, его взор был полон бесконечного, черного отчаяния. Ледяной зимний ветер хлестал его по лицу.

— «Прощай навек. Не тоскуй обо мне более...» Лин Шу... Раз уж ты так поступил со мной, пусть будет по-войски! Ступай на дно, гори в аду! Мне плевать! Отныне я никогда больше не вспомню о тебе. Я вычеркну тебя из своего сердца навсегда!

Том пятый. Отзвуки былого величия

<http://bllate.org/book/19546/1998859>